

the Soviet regime). Among the costs of nation-building in the region include mistrust of the new government to the former members of the Kommunist Party of Western Belarus and isolation of most of them from political life, mistrust of the Polish population in the region, the repression against people who disagree with the new government.

УДК 940.55:33

Е. А. ГРЕБЕНЬ

(Минск, УО «Белорусский государственный аграрно-технический университет»)

ВЫЖИВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕССИНГА НАЦИСТОВ (ПО ДОКУМЕНТАМ КОЛЛАБОРАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ)

В статье рассмотрены приемы и методы, выработанные гражданским населением Беларуси в ответ на принуждение оккупационными властями к сдаче натуральных налогов, позволявшие не только минимизировать экономический прессинг оккупантов, но и оказывать продовольственную поддержку партизан.

Территория оккупированной Беларуси играла важную роль в планах немецких оккупационных властей. За счет местных ресурсов обеспечивалась немецкая армия. Помимо обязательной трудовой повинности, сельское и городское население было вынуждено уплачивать множество натуральных налогов, регулярно подвергалось внеплановым реквизициям вермахта, мародерству со стороны местной полиции, а также обеспечивало продуктами партизан. В условиях жесткого экономического прессинга со стороны оккупационных властей гражданское население использовало ряд приемов, чтобы минимизировать размер натуральных налогов.

Владельцы коров были обязаны сдавать государству определенное количество молока или молокопродуктов. Крестьяне, державшие домашнюю птицу, сдавали яйца и мясо птицы. В Тереховском районе распоряжением районного земельного управления с 1.01.1942 г. была введена обязательная сдача молока от коровы в размере 110 л. в год при жирности 3,9 %. Хозяйства рабочих и служащих до особого распоряжения от сдачи освобождались. Устанавливался план сдачи в течение года: январь – 2 %, февраль –

3 %, март – 5 %, апрель – 7 %, май – 10 %, июнь – 20 %, июль – 20 %, август – 13 %, сентябрь – 10 %, октябрь – 5 %, ноябрь – 3 %, декабрь – 2 %. Местным властям предписывалось провести проверку дойных коров. Для приема молока в районе организовывались 9 пунктов. Ежедневно заведующие сливных или сепараторных пунктов должны были осуществлять учет молока, передавая суммарные данные волостному старшине. Молоко ежедневно к 17.00 доставлялось на Тереховский маслозавод. В случае порчи молока в результате несвоевременной доставки виновные должны были покрыть убыток в пятикратном размере, испорченный продукт в общий объем поставок не засчитывались [1, л. 11, 11 об.]. Отдел промышленности Полоцкой районной управы обращал внимание крестьян, что они обязаны сдавать только натуральное, не снятое, свежее молоко. За литр сданного молока гражданам полагалась выплата 70 коп. минус 20 коп. за возвращаемое им снятое молоко [2, л. 32]. В 1943 г. сельские жители Полоцкого района, имеющие коров, были обязаны сдать 550 л молока с каждого хозяйства. Наибольший объем налога приходился на период лета – осени, т.е., когда скот выпасался на лугах или в начале стойлового периода еще хватало кормов, и не начался отел. В этот период хозяйство должно было сдать 400 л, остальные 150 л необходимо было сдать с 1.01.1944 г. до 31.07.1944 г. К 1944 г. объем сдаваемого молока увеличился. В Борковичской волости Дриссенского района владельцы коров с 1.04.1944 г. по 1.08.1944 г. были обязаны сдавать по 550 л молока под угрозой изъятия коровы [3, л. 9]. Освобождались от сдачи молока только владельцы тельных коров до момента отела [4, л. 63]. В распоряжении коменданта и начальника Оршанской районно-городской управы бургомистрам требовалось, начиная с 1.01.1942 г., ежедневно сдавать по литру молока с коровы в сутки под угрозой изъятия коров [5, л. 3].

Натуральные налоги были выше довоенного уровня. В Лепельском районе с коровы собиралось 300 л молока в год вместо 120-ти довоенных. Если до войны державшие коров рабочие и служащие освобождались от натурального сбора, то теперь горожанам приходилось сдавать молоко, что еще более усложняло ситуацию с продуктами питания [6, л. 134 – 135]. До 31.07.1943 г. объем поставок молока был установлен в среднем в 150 л с каждой коровы. На следующий хозяйственный год устанавливалась норма в 300 л с коровы, жирность молока должна была составлять 3,7 %. При сдаче молока более низкой жирности объем поставок увеличивался [7, л. 58 об.]. Указание в официальных документах жирности молока объяснялось естественным стремлением владельцев

коров сдать как можно меньше молока. Местной администрации приходилось вести постоянную борьбу с держателями коров, которые разбавляли молоко водой. Бургомистр г. Добруша в приказе от 29.05.1942 г. констатировала, что при проверке в лаборатории сдаваемого молока выяснилось, что 10 граждан разбавляли его водой, в результате чего жирность колебалась от 0,4 до 1,2 % при требуемых 3 %. Подобные действия были расценены как саботаж, и начальнику полиции было приказано изъять у этих граждан коров. Остальные горожане еще раз предупреждались об ответственности за «фальсификацию» молока [8, л. 35].

Не освобождались от натуральных поставок хозяйства служащих полиции, РОА, самообороны, владельцы таких хозяйств были обязаны сдавать 400 л двумя равными долями [9, л. 114].

Иногда крестьяне облагались натуральным налогом без предварительного выяснения наличия у них скота или птицы, в результате многие из них апеллировали к местной администрации об освобождении их натуральных поставок. Так, весной 1942 г. на имя начальника отдела заготовки Осиповичской районной управы стали поступать просьбы граждан об освобождении их от поставок молока и яиц, поскольку у них не было коров и кур [10, л. 16, 23, 54, 56]. Сдача молока могла заменяться сдачей иных молокопродуктов. Для жителей дер. Ильинка Пашковской волости Могилевского района, которая находилась далеко от пункта приема молока, вместо 2 литров молока с коровы с 1.05.1944 г. вводилась обязательная поставка 1 фунта масла [11, л. 18].

Стимулом для сдачи молока служило изъятие коров, поскольку при наложении на конкретную общину контингента сдачи мяса, у граждан, не сдавших молоко, коровы изымались в первую очередь. Отказ от сдачи молока могла повлечь конфискацию коров не только у рядовых граждан, но и у полицейских. На совещании начальников отделов Осиповичского окружного управления и начальников районов от 5.08.1943 г. была озвучена информация о том, что крайсландвирт Стародорожского за не сдачу молока отбирает коров у семей полицейских. Предлагалось конфисковать коров в деревнях, подконтрольных партизанам, где крестьяне и так не сдают молоко [12, л. 44–45].

Гражданское население в массовом порядке уклонялось от сдачи молока или же, вопреки строжайшим распоряжениям властей, сдавало молоко недостаточной жирности. Начальник Минского района 30.04.1942 г. констатировал факты не выполнения поставок, сдачи разбавленного молока и требовал конфискации коров у нарушителей.

Сообщалось, что рабочие и служащие также должны выполнять молокопоставки, а также о запрете продажи молока на рынках [13, с. 36]. Согласно постановлению по финотделу Витебской городской управы от 22.04.1943 г., 33 жителя Витебска были оштрафованы на сумму от 100 до 200 руб. за «фальсификацию» молока при сдаче на молочную базу Центрального торгового общества «Восток», 28.04.1943 г. было оштрафовано еще 5 чел., и подобные санкции применялись практически ежемесячно. Некоторые граждане пытались оспорить штраф, и в отдельных случаях он мог быть отменен. Например, граждане могли заявлять, что корова отелилась или болела, поэтому молоко некоторое время не сдавалось на базу. В других случаях штраф не отменялся, если повторная проверка показывала, что молоко по-прежнему сдается не достаточной жирности [14, л. 1–17]. Старший следователь криминального отдела Витебской полиции распорядился задержать гражданина, обвиняемого в сокрытии коровы, находившейся во временном пользовании. В ходе следствия было установлено, что слесарь депо станции Витебск продал выданную ему городской управой во временное пользование корову, и не сдал 152 л молока в рамках обязательных поставок [15, л. 5, 10, 15]. За невыполнение поставок молока 13.05.1943 г. трое жителей Оршанского района были приговорены к 8-ми неделям принудительных работ. Граждане оказались родственниками сотрудников полиции, и начальник районной полиции ходатайствовал перед фельдкомендатурой об их освобождении из-под ареста [16, л. 226].

Как пример саботирования крестьянами сдачи молока интересна переписка Вилейской районной управы с волостными управами. Каловичская волостная управа, пересылая одновременно рапорты солтысов (сельских старост), 17.12.1941 г. сообщала Вилейской районной управе, что население сдает фактически все молоко, оставляя незначительное количество для маленьких детей, и что поставка молока в размере одного литра с каждой коровы никоим образом не может быть реализована, поскольку в настоящее время доится малая часть коров, да и те от недостатка кормов молока дают мало. На следующий день Вилейская волостная управа сообщила волостным управам, что приказ о сдаче молока от 22.11.1941 г. остается в силе, от волостных старшин требовалось предоставить сведения о крестьянах, которые не сдают молоко, еженедельно предоставлять сведения о количестве коров в общинах, переставших доиться или отелившихся. Волостным старшинам также давались полномочия повышать нормы поставки молока от коровы с 1,5 л до 3-

х л, если община не выполняет план. Таким образом, перераспределялся груз налогов между хозяйствами. В ответ на письмо старшины Каловичской волости районная управа 20.12.1941 г. сообщила, что аргументы волостного старшины не являются приемлемыми, что он виновен в срыве поставок и не выполняет своих должностных обязанностей. Сообщалось также, что в дер. Боровцы имеется 220 коров, из которых 73 коровы являются дойными, как установила специально присланная комиссия, но деревня не сдала ни одного литра молока, и что поданные в письменном виде объяснения старост деревень не являются аргументированными. В ответ волостной старшина 23.12.1941 г. сообщил, что он в очередной раз потребовал от солтысов сдачи молока, но те ответили, что не имеют сведений о количестве дойных коров, и просят, чтобы это выяснила комиссия. Как видно, представители низовых структур не желали брать на себя ответственности и принуждать крестьян, пытаясь переложить репрессии на вышестоящие инстанции. По этой же причине волостной старшина пересылал списки крестьян, которые отказывались сдавать молоко, в районную управу. Чтобы выполнить план поставок, Вилейская районная управа сообщила руководителям государственных имений и волостным старшинам, что вводится ограничение на употребление молока для работников госимений. Семье из 4-х человек разрешалось использовать 1 л молока, семьи, состоящие из более чем 4-х человек могли использовать несколько больше. Разрешалось также использование в ограниченных количествах перегон молока. На детей до 12-ти лет полагалось 0,25 л. Начальник района 24.12.1941 г. предписал создать комиссии в волостях для определения дойности коров в составе ветеринарного фельдшера, представителя полиции и солтыса. В январе 1942 г. районная управа в очередной раз обратилась к старшинам и начальникам полиции всех волостей с требованием активизировать сдачу молока, обвиняя местные власти в отсутствии контроля и непринятии административных мер к нарушителям. Учет попытались персонифицировать; требовалось назначить ответственного за контроль за сдачей молока в каждой волости и сообщить его фамилию в районную управу. 28.01.1942 г. районная управа в очередной раз сделала внушение старшине Каловичской волости, отметив, что представленные им накануне отчеты о ходе сдачи молока не являются удовлетворительными, и видно, что никакая работа в этом направлении волостным старшиной не проводится. От него требовалось под личную ответственность установить количество дойных коров и принимать меры против уклоняющихся от сдачи

крестьян, используя полицию. Сообщались фамилии конкретных крестьян для проверки факта сдачи ими молока ниже установленной солтысами нормы, и высказывалось требование наказать их штрафом в размере 20 марок. В феврале 1942 г. районная управа в очередной раз обратилась ко всем волостным старшинам, сообщив, что имеются факты, когда солтысы устанавливают норму сдачи молока с опозданием, тогда как крестьяне должны сдавать молоко через 14 дней после отела коровы. Именно солтысов обвиняли в том, что крестьяне не сдают молоко, поскольку последние не довели до них план сдачи. Помимо тотального нежелания крестьян выполнять поставки, районная управа констатировала дефицит емкостей для сбора молока. Волостным старшинам сообщалось, что весной 1942 г. потребность в емкостях для молока резко вырастет, и, поскольку необходимое количество посуды из Германии завести не возможно, необходимо их производить на месте. Если отсутствует металл, емкости изготовить из дерева и специальным образом покрасить их, чтобы обеспечить сохранность молока. Якобы, такой способ покраски был известен волостным старшинам еще с советских времен [17, л. 14, 16, 18, 19, 24, 31 33, 41, 43, 40].

Аналогичная ситуация сложилась в ходе сдачи яиц. В 1942 г. крестьяне Полоцкого района обязывались сдавать в течение сезона по 30 яиц от курицы за плату 5 руб. за десяток и 10 руб. за десяток яиц племенных кур для инкубаторов [2, л. 75]. На 1943-ий сельскохозяйственный год вводились также обязательные поставки мяса птицы в размере 4 кг с крестьянского хозяйства, вес кур должен быть не менее 1 кг, гусей – 4 кг. Также вводились поставки 200 яиц с каждого хозяйства, для крупных хозяйств размеры поставок мяса птицы и яиц могли быть увеличены [7, л. 58]. Чтобы преодолеть сопротивление крестьян, не спешащих сдавать продукты даже под угрозой наказания, оккупационные власти вынуждены были ввести премии. Крестьянам обещалась выплата по 2 кг соли за каждые сданные 30 яиц. В случае если крестьянам приходилось предоставлять продукты по требованию вермахта, это продовольствие в счет налога не учитывалось [18, л. 5].

Ряд адресованных местной администрации заявлений поступал после прихода в деревни партизан. Как правило, в заявлениях указывался размер реквизированного имущества и количество скота, и содержалась просьба либо снизить размер натурального налога либо засчитать забранный партизанами объем продуктов в счет госпоставок. Житель Миорской волости 11.12.1943 г. просил волостную управу освободить его от земельного налога и штрафа за

его неуплату в размере 20 марок, так как 6.08.1943 г. пострадал от партизан, которые забрали у него 3 коровы, 2 свиньи, телку, 16 овец, 2 лошади с упряжью, одежду и весь хлеб. Волостной старшина переслал заявление в Миорскую районную управу, указав со своей стороны, что заявитель систематически подвергался ограблению партизанами и просил удовлетворить просьбу, в результате начальник района освободил гражданина от уплаты налога и штрафа [19, л. 183 – 184]. Староста одной из деревень Мядельского района просил начальника района оказать ему помощь после того, как партизаны ограбили его хозяйство, забрав, в том числе и одежду, и утверждал, что его семью из 8 чел. ожидает голодная смерть [20, л. 60].

Для того чтобы реквизированный партизанами скот был засчитан в госпоставки, граждане в заявлении обстоятельно расписывали размер ущерба, а также визируют заявление подписями сельского старосты и свидетелей. Житель Полочанской волости Молодечненского района подал заявление волостному старшине о том, что 17.10.1943 г. партизаны забрали кабана весом около 100 кг, а еще через два дня корову весом 300 кг, которых он просил засчитать ему в контингент госпоставок. Другой крестьянин со ссылкой на свидетелей сообщал старосте о реквизиции партизанами коня, новых саней, свиньи весом 120 кг, 80 кг пшеницы, 80 кг муки, 120 м полотна и новых ботинок. Жительница той же волости обращалась к сельскохозяйственному коменданту Молодечно с просьбой включить в объем госпоставок забранную партизанами 3.11.1943 г. последнюю свинью весом 130 – 140 кг [21, л. 5, 27, 44].

В прошениях часто вместо термина «партизаны» фигурировали используемые оккупационными властями штампы «бандиты», «бандо-партизаны», «большевистские банды», что, по логике заявителей, должно было вызвать сочувствие со стороны властей. Для большей убедительности в заявлениях мог делаться акцент на еврейской национальности партизан, что соответствовало нацистской теории «жидо-большевизма». Житель Молодечненской волости 27.08.1943 г. подал заявление волостному старшине о том, что подвергся нападению «30 чал. узброеных бандытаў, пераважна жыдоў», которые насильно взяли дойную корову и 3 курицы. Жительница той же волости 21.10.1943 г. жаловалась сельскохозяйственному офицеру в Молодечно, что «банда ўзброеных жыдоў забрала ў мяне свіннё вагі 85 кг» и просила засчитать ее в госпоставки [22, л. 97, 190].

Таким образом, результатом принуждения оккупационными властями гражданского населения Беларуси к сдаче натуральных налогов, владельцы скота и птицы выработали ряд приемов,

позволявших минимизировать экономический прессинг оккупантов. В массовом порядке практиковалось сознательное снижение жирности сдаваемого молока, в местную администрацию подавались заявления о болезни либо отеле коровы, заявления о том, что корова не доится, заявления об отсутствии в хозяйстве скота и птицы, помощь партизанам продуктами питания камуфлировалась под реквизиции с последующим ходатайством перед местной администрацией о зачислении объема реквизированных продуктов в счет налогов. Реакцией оккупационных властей на подобные действия граждан были конфискация скота, увеличение размера натурального налога, запрет на реализацию продуктов питания на рынках без предварительной уплаты натуральных налогов.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Гомельской области (далее ГАГО). – Фонд 1336. – Оп. 1. – Д. 2.
2. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 2823. – Оп. 1. – Д. 2.
3. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 2.
4. ГАВО. – Фонд 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
5. ГАВО. – Фонд 2094. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 2.
7. ГАВО. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
8. ГАГО. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.
9. ГАВО. – Фонд 2823. – Оп. 1. – Д. 3.
10. Государственный архив Могилевской области (далее ГАМО). – Фонд. 845. – Оп. 1. – Д. 391.
11. ГАМО. – Фонд 261. – Оп. 1. – Д. 17.
12. Государственный архив Минской области (далее ГАМН). – Фонд 1604. – Оп. 2. – Д. 3.
13. Протокол совещания начальников волостных управ Минского района, 30.04.1942 г. // Минская область в документах и материалах. Выпуск 3. Оккупация, 1941 – 1944 гг. / сост.: Е. А. Гребень, В.М. Матох. – Минск : Белстан, 2013. – 144 с. : ил. С. 36–37.
14. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 2. – Д. 196.
15. ГАВО. – Фонд 2073. – Оп. 8. – Д. 487.
16. ГАВО. – Фонд 2092. – Оп. 1. – Д. 96.
17. ГАМН. – Фонд 4218. – Оп. 1. – Д. 16.
18. ГАВО. – Фонд 2086. – Оп. 1. – Д. 5.
19. ГАВО. – Фонд 2840. – Оп. 1. – Д. 1.
20. ГАМН. – Фонд 4223. – Оп. 1. – Д. 15.
21. ГАМН. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 3.
22. ГАМН. – Фонд 4228. – Оп. 1. – Д. 2.

Yauhen Hreben. The survival of the civilian population of Belarus in the context of the economic pressure of the Nazis (in the documents of collaborative administration)

In response to the forced levying taxes in kind from the civilian population of Belarus implemented by the occupying authorities, the owners of livestock and poultry developed a number of techniques to minimize the economic pressure of the invaders. Citizens in droves practiced reducing the fat content of milk, applying to the local administration with statements on either illness or calving of a cow, statements that the cow is not milked, statements about the lack of farm livestock and poultry. Food assistance to partisans was camouflaged and presented to the administration as requisitions with a subsequent request to the local administration to register these products on account of taxes.

УДК 94:356:15(476.2) “1941/1943”

Л. С. СКРЯБИНА

(Гомель, УО «Белорусский государственный университет транспорта»)

**ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ
ГОМЕЛЬЩИНЫ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ
(ИЮНЬ 1941 ГОДА – АВГУСТ 1943 ГОДА)**

В статье предпринята попытка на основе научного анализа архивных документальных материалов выявить основные тенденции становления и развития партизанского движения на Гомельщине в указанный период.

В 2010 г. вышел в свет первый выпуск сборника документов и материалов «Гомельщина партизанская. Начало. Июнь 1941 г. – май 1942 г.» [1]. В многочисленных архивных материалах документальной публикации отражены факты и события, относящиеся к наиболее трудному периоду становления и развития партизанского движения на Гомельщине. Продолжением публикации документальных материалов о дальнейшем развитии партизанской борьбы на территории Гомельской и Полесской областей является второй выпуск сборника «Гомельщина партизанская. Развитие. Июнь 1942 г. – август 1943 г.» [2].

Анализ документальных материалов, сконцентрированных в вышеназванных сборниках, позволяет сделать некоторые выводы,